

Знакомьтесь

Сборник воспоминаний
об А. В. Клишине

ЗАЧЁТ

*Сборник воспоминаний
об А. В. Клишине*

Кемерово
2020

Автор проекта и составитель В. П. Дзвоник

- 339 Зачёт: Сборник воспоминаний об А. В. Клишине / Сост.
В. П. Дзвоник. – Кемерово, КемГУ. – 36 с.

Издание публикует воспоминания выпускников отделения журналистики КемГУ, каждый из них является частью семьи ФФиЖ, которую в начале 1990-х годов создал А. В. Клишин. Планируется, что впоследствии сборник с символичным названием «Зачёт» будет пополняться историями о времени и людях, которые помогли студентам сделать первые шаги в профессию и во взрослую жизнь.

ББК 84Р7-4

ОТ АВТОРА

Слишком много хотелось бы сказать о том человеке, у которого многим из нас довелось учиться. Но когда дело доходит до фиксации мыслей, почему-то не хватает слов. А потом кто-то звонит, и ты отрываешься на срочное дело и откладываешь воспоминания. Сбор историй для этого издания прошёл под девизом «Привет, Антон». Эту фразу с периодичностью раз в два дня я писала своему однокласснику, корректно напоминая, что с него – история в сборник. И Антон не подвёл. Некоторые выпускники писали, что очень благодарны факультету и Анатолию Владимировичу, но с ходу не вспомнят конкретной истории. Наверное, это тоже хорошо. 9 августа 2020 года исполняется десять лет с момента ухода из жизни нашего наставника, учителя, удивительно строгого и доброго, с сигаретой и чашкой кофе в руках Анатолия Владимировича Клишина. В этот день особенно остро ощущается благодарность за то, что мы с вами являемся частью семьи ФФиЖ, которую в начале 1990-х годов создал Клишин. Хочется верить, что сборник с символичным названием «Зачёт» будет пополняться нашими с вами историями. Найдётся время, дела отложатся, мы сядем и вспомним о наших студенческих годах и людях, которые помогли нам сделать первые шаги в профессию и взрослую жизнь.

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КЛИШИН – ЖУРНАЛИСТ И УЧИТЕЛЬ

Две записи в его трудовой книжке:

«17.08.1992 – принят старшим преподавателем на кафедру журналистики и русской литературы XX века»;

«09.08.2010 – исключён из числа работников в связи со смертью».

Между этими датами – жизнь, отданная обучению журналистов. Для 349 выпускников отделения журналистики университета Анатолий Владимирович был первым, кто встречал их, ещё абитуриентов, на творческом экзамене, и из его рук они получали диплом пять лет спустя.

А начиналось всё здесь же, на филфаке, в 1975 году, когда студент Толя Клишин выбирает специализацию «Журналистика», только что открывшуюся на факультете благодаря подвижничеству известного в Кузбассе журналиста Ю. С. Котлярова. В 1984 году Клишин становится редактором юргинской городской газеты, самым молодым в области. Стремление постичь профессию до самых глубин приводит его на отделение журналистики Новосибирской высшей партийной школы – единственного тогда центра повышения квалификации для журналистов Сибири.

О преподавательском поприще и не задумывается. Поэтому предложение остаться в этой же школе преподавателем – неожиданное. Новое дело требует новых знаний. Анатолий Владимирович поступает в аспирантуру Российской академии управления (Москва).

И вновь неожиданный поворот в судьбе: в 1992 году Анатолий Владимирович, защитив диссертацию, возвращается на родной факультет, не будучи в силах отказаться от приглашения глубокоуважаемого им учителя – Ю. С. Котлярова. Возвращается, чтобы возглавить только что созданное отделение журналистики.

Первый набор студентов-журналистов состоялся в переломном 1991 году. Таким образом, осенью 1992 года – уже два курса студентов и... один преподаватель специальных дисциплин да несколько идеологически устаревших учебников.

Нужно обладать недюжинными организаторскими способно-

стями для того, чтобы вести обучение в таких условиях, практически с нуля создавать методическую базу, готовить учебные планы и программы. И это не было формальной «бумажной» работой. Анатолий Владимирович ко всему, за что берётся, подходит творчески, заинтересованно, с полной отдачей. Для него репутация отделения журналистики с самого начала – превыше всего. Понятие «успешный менеджмент» тогда не было в ходу, но именно так следует определить деятельность Анатолия Владимировича по созданию качественной системы подготовки студентов по специальности «Журналистика».

Он понимал, что глубина знаний студентов зависит от уровня преподавания, от того, как молодая кафедра справится с чтением новых курсов. Он сам читал лекционные курсы по всем профессиональным дисциплинам: «Основы журналистики», «Новостная журналистика», «Аналитическая журналистика», «Основы творческой деятельности»; привлекал профессионалов-журналистов, искал новых преподавателей. Себе он всегда оставлял самую трудную, ответственную работу, такую как семинар дипломников. Услышать, вникнуть, разобраться в любой проблеме, сделать важные замечания, увидеть нужные повороты – всем этим отличался преподаватель и руководитель А. В. Клишин.

В 1994 году коллеги избирают Анатолия Владимировича заведующим кафедрой. И он до последнего дня был достоин оказанного доверия, оставаясь единодушно признанным лидером, любимым руководителем. На кафедре порой звучала фраза: «Анатолий Владимирович, мы за Вами как за каменной стеной». Это не были пустые слова или слова лести. С ним мы действительно ощущали себя надёжно прикрытыми от всех житейских и производственных бурь. С ним существовал на кафедре особый микроклимат, в котором совмещались уважительно-деловые отношения с семейно-дружескими. Анатолий Владимирович умел собирать вокруг себя людей добросовестных и ответственных, болеющих душой за факультет. Это человек, для которого понятия «честь» и «совесть» не были пустым звуком. Глубоко порядочный, он был убеждён, что это и есть норма жизни, и наивно удивлялся, что для кого-то это не так. В нём было «самостоянье человека», тот необходимый нравственный стержень,

который позволяет человеку остаться человеком в самые трудные времена.

...Студенты первого набора переходили с курса на курс, и для них, как и для кафедры, всё было впервые – практика, научная работа, программа госэкзамена, дипломирование. Все новые формы нужно было продумать и организовать, и это было сделано настолько качественно и перспективно с точки зрения стратегии, что позволило построить на созданном прочном фундаменте всю систему обучения. Причём система не была застывшей, неизменной. Почивать на лаврах – это не в характере Анатолия Владимировича. Была открыта вторая специализация: «Телевидение», что потребовало оборудования телецентра. За казённой фразой «создание материально-технической базы» стоят конкретные дела конкретного человека: от поиска средств, переговоров с влиятельными людьми до сборки мебели своими руками. Воистину, он умел всё.

Анатолий Владимирович никогда не порывал с практической журналистикой. Его мнение было авторитетным и для начинающих репортёров, и для умудрённых опытом редакторов. Он – постоянный участник жюри всех областных профессиональных конкурсов. Участник неравнодушный, заинтересованный в развитии кузбасской журналистики. Именно поэтому было организовано обучение на отделении журналистов-практиков, не имеющих профессионального образования.

Студенты, выпускники были ЕГО СЕМЬЁЙ. Он стремился научить их тому, что умел и знал сам. Профессионал готовил профессионалов. Неслучайно наши дипломные работы признавались лучшими на всероссийских конкурсах; среди студентов и выпускников отделения – три победителя Всероссийской олимпиады по журналистике, лауреаты национальных конкурсов «ТЭФИ», «Радиомания», областных конкурсов «Золотое перо», «ТВ-престиж». Он гордился их успехами, радовался их победам. Он ЛЮБИЛ их. И они платили ему тем же.

Последние два года жизни Анатолий Владимирович боролся с тяжёлой болезнью. Чего это ему стоило, можно только догадываться. Многие долго не знали о том, что он болен, а знающих поражали его мужество, сила воли и ответственность. Он ни на кого

не перекладывал свои обязанности, продолжал читать лекции, руководить дипломными работами. Факультет под его руководством успешно прошёл аттестацию и аккредитацию, была открыта магистратура, одержана очередная победа на Всероссийской олимпиаде по журналистике... В конце июня 2010 года «папа Клишин» вручил дипломы очередным своим выпускникам. Жить оставалось всего полтора месяца.

...В последнюю минуту прощания с ним хлынул дождь. Или это были слёзы горя его коллег, студентов, выпускников, которые почти полным составом пришли проститься с любимым Учителем.

Кафедра журналистики Кемеровского университета осиротела. Но человек жив до тех пор, пока мы помним о нём и любим его всей душой. Поэтому для нас всегда будет жить наш Анатолий Владимирович. Жить в наших мыслях, в наших делах, в заложенных им традициях.

А. В. КЛИШИН В ВОСПОМИНАНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ ОТДЕЛЕНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ КЕМГУ

■ Полина ПЕТРОВА

Когда тебе семнадцать и ты стоишь на пороге взрослой жизни, очень хочется самовыражения. Кто-то делает первую затяжку, кто-то красит волосы в красный, кто-то тату бьёт втайне от предков, а кто-то с пирсингом в носу и желанием изменить мир поступает на журналистику. Наш творческий экзамен состоял из двух частей: эссе и собеседования. Первая была позади. Возле двери в аудиторию столпились поступающие. Обсуждали разное: региональную журналистику, планы на лето и то, что вызывают по два человека, один из которых попадает на «интервью» к САМОМУ декану.

Когда открывалась дверь, гул в холле утихал, эта звенящая тишина длилась доли секунды, а дальше вся толпа набрасывалась на отстрелявшегося с расспросами:

- О чём говорили?
- Что поставили?
- Страшно было?
- К кому лучше идти?

Анатолия Владимировича не рекомендовали. Боялись. Кто-то из старшекурсников пришёл и уже запустил байку про его манеру называть студента солнышком, а дальше разносить. На тот момент в профессии я знала из «усатых дядей» двоих: Влада Листьева и Анатолия Клишина. Листьев казался мне добрым и справедливым. Решила, что АВ такой же. Дверь открылась. Меня ослепил свет и парализовал страх, я робко зашла. Села, руки теребили юбку. Анатолий Владимирович склонился над папкой, изучая мои публикации, потом мы обсудили мое эссе, почему-то Владимира Познера. Казалось бы, пора ставить оценку. Он молчал.

– Солнышко... – начал он.

В этот момент мои руки, которые, к слову, от волнения не потеют никогда, стали мокрыми, как трава после дождя.

– Я не хочу ставить тебе пятёрку, – продолжил он.

В этот момент внутри всё оборвалось. Я будто видела, как моя

мечта медленно рушится. Но чётко решила, не показывать, что готова разрыдаться.

– Почему? – посмотрев ему прямо в глаза, вдруг сказала я.

– Ну вот смотри. У тебя в носу серёжка. Ты, конечно, можешь и волосы в красный покрасить, а потом вести передачи. Но это не серьёзно. Это не журналистика, солнышко, – объяснял Анатолий Владимирович.

Пока он говорил, я убрала пирсинг.

– Если дело только в этом, то серёжка легко снимается, – сказала я.

Он написал что-то в моём бланке, улыбнулся сквозь усы. На подкашивающихся ногах я вышла из аудитории, раскрыла лист и увидела: «Отлично».

Спустя много лет я буду вести разные программы и каждый раз перед эфиром убирать серёжку. Это станет моим своеобразным ритуалом, знаком отношения к профессии и благодарности за этот небольшой, но такой ценный урок.

■ Елена НОСОВА

Я познакомилась с Анатолием Владимировичем ещё до того, как стала его студенткой. В гимназии № 41 старшеклассники могли выбрать профильное направление «Журналистика» и на протяжении двух лет готовились к поступлению на журфак. Этим шансом я и воспользовалась, сменив в 10-м классе родную школу на гимназию. Уже тогда я точно знала, какой специальности хочу учиться.

Один учебный день в нашем расписании был целиком посвящён знакомству с теорией и практикой журналистики, к нам приходили вузовские преподаватели, а иногда мы сами наведывались в КемГУ. Тогда университет казался очень большим и непонятным, но в то же время невероятно манящим и притягательным. Анатолий Владимирович Клишин стал для меня первым проводником в мире журналистского образования и в конечном счёте лишь укрепил моё желание поступать на журфак.

На тот момент я сотрудничала с газетой для детей и молодёжи «Свежий ветер», была редактором школьных печатных газет. Полученные знания тут же оттачивались на практике. Помню, как

впервые услышала о построении новостной заметки в виде перевёрнутой пирамиды, словно стала обладательницей какого-то тайного знания!

Несмотря на то что для Клишина мы были неизменными «солнышками», всегда чувствовалось, что даже к нам, гимназистам, он относился как к самостоятельным, взрослым людям. Было в этом что-то особенное, без пяти минут выпускнику иметь пусть и временный, но свой пропуск в шестой корпус, а когда кто-то интересовался целью визита, можно было с важным видом ответить: «Иду на пару к Клишину». На пару, а не на урок!

Наш класс настолько проникся идеей обучения у Анатолия Владимировича, что на одном из школьных праздников мы выступили с юмористической сценкой о «клишнаидах». Я совершенно не помню, о чём конкретно там шла речь, но никогда не забуду наши костюмы: белые балахоны и висящая на шее шариковая ручка. Как метафора белого листа и пера, как начало начал любого текста.

Боюсь, сам Клишин даже и не догадывался о существовании «религии имени себя» и о том, какое влияние тогда оказывал на формирование нашего профессионального мировоззрения. И продолжил оказывать и дальше, в наши студенческие годы.

Не все из «клишнаидов» поступили на журналистику, но многие из моих одноклассников превратились в моих одноклассников и остались таковыми до самого выпуска. Позже мне довелось тесно общаться с преподавательскими составами журфаков и Московского, и Новосибирского, и Томского госуниверситетов. Каждый раз, отвечая на вопрос о своём образовании, я не без гордости говорила, где училась, называя пару-тройку имён моих преподавателей. А мысленно добавляла для самой себя: «Клишнаид я, понимаете, настоящий клишнаид».

■ Антон ЧИГРИНЕВ

Прошло много лет, воспоминания стираются, нарастают пласты новых, и уже кажется, что это было не со мною, а с кем-то другим. Я поступал три раза, и всегда АВ был самым строгим в комиссии. В принципе он всегда был строгим, и это правильно: нельзя давать

полную свободу студентам, для их же блага. Но это не значит, что он не мог посмеяться над шуткой.

В одно из моих собеседований он посмеялся от души над какой-то моей остротой, а потом сказал:

– Это всё замечательно, но понимаете ли вы, что сейчас заваливаете собеседование?

С улыбкой сказал.

Но хочу особо заметить, что эта строгость не была признаком некоего садизма, напротив, никто не сомневался в его справедливости. Однажды студенты выстроились под окном Тюпы (к сожалению, забыл её имя-отчество), преподавательницы по зарубежной литературе, и исполнили хором серенаду, чтобы она поставила всем хорошие оценки, а та стояла в окне и снисходительно внимала. АВ узнал об этом, прибежал, разогнал студентов, а Тюпу отругал за потакание такому поведению.

Что касается моего с ним общения, то могу вспомнить два значительных момента. Первый: будучи на третьем курсе, я написал большой очерк о моём родном городе Берёзовском. Этот очерк разместили в каком-то альманахе о Кемеровской области. Кажется, было это на каникулах или отработке. И вот мы все приходим с каникул, АВ после обычного приветственного слова обращается ко мне, рассказывает, какой замечательный очерк я написал, что он с удовольствием его прочитал. Мне было очень приятно, тем более что я особо никому об этом не рассказывал, никому не показывал эту работу. И тогда я понял, что мы не просто его студенты, что он продолжает о нас думать, приходя домой с работы. Это удивительно.

Второй момент: у нас выпускной, мы гуляем в первом корпусе, накрыты столы, еще все трезвые и красивые, с нами за столом наши преподаватели. Я тогда дружил со своей будущей женой, Юлей, она училась со мной. И вот в разгар веселья я выхожу на крыльцо, а там на скамейке сидит АВ, курит. Мы уже «датые», раскрасневшиеся, весёлые.

АВ спрашивает:

– Что ты планируешь делать дальше?

Стандартный вопрос. Не помню, что я ответил. Потом подошла Юля, что-то сказала мне и вернулась в здание.

И тут АВ опять спрашивает:

– А что ты конкретно про вот эту девушку думаешь?

Я впервые от него слышал такой личный вопрос, растерялся. Пожал плечами.

А он говорит:

– Смотри, может оказаться, что это – главное в твоей жизни.

Он оказался прав: мы поженились с Юлей в тот же год, а через год уехали вместе покорять Питер. Прожили вместе 12 лет, лучших в моей жизни.

■ Степан ДУБКОВ

Наш, второй, набор на отделение журналистики образца 1992 года, конечно, был ещё тем подарком. Абсолютно разношёрстные, после школы поступило меньшинство из нас. Были и после армии, и перед тюрьмой, и многодетные, некоторые умудрялись со стипендии платить алименты.

И вот эту радость вручили на кураторство 36-летнему Анатолию Владимировичу.

Тридцать шесть! Мне сейчас 45, и я с одним-то сыном не сказать, что идеально справляюсь. А тут в 36 тебе вручают 22 человека студентов: «Воспитывай!».

Хотя к тому времени, как я понимаю, у АВ за плечами была мощная школа Новосибирского ВПШ и руководство районкой.

Где-то там он и познакомился с моим отцом. Помню, в начале первого курса иду из шестого корпуса по улице к себе, во второе общежитие, выхожу на улицу Васильева с университетского внутреннего двора – и вот они, красавцы, весёлые, идут навстречу. Папа и Анатолий Владимирович.

«Стёпка!!! Как я рад, что Толик у вас будет куратором!!! Да мы с ним! У-у-у-у! А-а-а-а!!!!» – вот это вот всё.

Кстати, уже потом выяснилось, что в 434-й и 435-й комнатах второго общежития, где прошли радостные первые четыре курса мои, в 1970-е годы обитали Анатолий Владимирович и Ирина Марковна. Не знаю, о чём это говорит, и говорит ли вообще о чём-то.

Потом всякое было. И перекуры в туалете с разговорами и отчисление дважды с пятого курса. И в армию я сходил благодаря АВ,

без чего я, честно говоря, предпочёл бы обойтись. И наш разговор на десятилетнем юбилее отделения, долгий, откровенный, про жизнь и выбор, про то, что бывает, правильным кажется одно, а потом другое, и как понять, что ошибся ты или ошибаются вокруг тебя.

Не скажу, что чему-то научился я от Клишина, но когда он ушёл, было острое чувство, что вот и всё: детство закончилось и теперь взрослые – это мы. Впереди нас больше никого.

Думаю, сидят они сейчас где-то, где нас нет, с папкой моим да с Николай Васильевичем Самошонковым, ведут длинные обстоятельные беседы про важные проблемы и приглядывают за нами. Ну хочется так думать.

■ Антон ИВАЧЕВ

Как репортёру мне часто приходится писать-описывать человеческие истории. Да, впрочем, каждый день. И все они разные. Когда меня попросили написать воспоминания об Анатолии Владимировиче Клишине, моём первом декане, человеке, который открыл для меня дорогу в профессию, я призадумался. Да что таить, я был в раздумьях днями. О чём писать? Как рассказать о человеке-вселенной? С какой стороны зайти? Да, он был для меня и советчиком, да, он был для меня и ревизором, даже совестью пару раз. Но один случай отложился в памяти особо. Наверное, потому, что до того момента я воспринимал АВ как человека, который одним росчерком пера мог отправить меня в какую-нибудь часть топтать сапоги. Итак, вот эта история.

Физкультура. Я не любил физкультуру в университете. Там надо было бегать, а я не люблю бегать. Мне нравится ходить, ездить на машине, поезде, но только не бегать. Особенно зимой: холодно, пальцы ног дубеют, лёгкие обжигает сибирский студёный, заиндевелый воздух. Чтобы выдержать забег, я решил одеться теплее, и отправился в гардеробную.

– Куда ещё? – как всегда, тактичная и вежливая тётя Маня с вешалкой в руках смотрела на меня взглядом эдакого «братка» на зоне, которого вот-вот погонят на карьер кидать щебень.

– На физкультуру, – холодно ответил я. – Куртка нужна.

Гардеробщица оглядела меня с головы до пупа повторно,

установившись на спортивную ветровку, в которой я обычно представлялся перед физкультурником, после чего выдала фразу, на которую я не смог возразить:

– У вас уже есть куртка – другой я вам не выдам.

Тогда мне казалось, что мы находимся где-то в параллельных вселенных: «Что значит «не выдам»? Но это же моя куртка! Моя! Куртка, в которой я пришёл на учёбу, которая сейчас должна помочь если не пятёрку заработать, то уж, по крайней мере, избежать соплей и красного горла к концу пары».

– Вот же она, – показываю на свой пуховик.

– Не дам! Взяли моду ходить по сто раз! – После чего растворилась в мехах.

Я решил не вступать в диалог с разбушевавшейся хозяйкой одежды, а отправился в деканат за справедливостью.

– Не дают куртку в гардеробной! – выпалил я, едва залетев в кабинет к Анатолию Владимировичу.

Как всегда невозмутимый, он встал с кресла:

– Пойдём.

По дороге через весь университет я еле поспевал за ним.

– Отдать сейчас же! – прогремел декан.

Та попыталась было возразить, но...

– Отдайте ему куртку! – его голос стал чуть более напористый, но он не кричал.

– Я думала, у него уже есть куртка... – пролепетала гардеробщица, держа в едва заметно трясущихся руках мой пуховик.

Как только я получил спасительную вещь, декан растворился в толпе.

В тот день я, кстати, получил свой зачёт.

■ Алексей ГАМЗОВ

Когда мы называли Клишина «папой», это не был просто «газетный штамп». Для первокурсников, оторванных от дома, было, в общем, естественно перенести часть родительских функций на своего завкафедрой.

Одно из свойств родителей, когда вы маленькие, – ошеломляющая проницательность. Они будто читают ваши мысли, видят все

ваши поступки, предугадывают намерения. Конечно, это не так, но кажется. И нам казалось.

Как-то мы в общаге вечером выпили. Не так чтобы много, но и отнюдь не мало. Утром, перед первой парой (возлияния раннему подъёму не помеха, когда тебе 18 лет), стоя у дверей кабинета, я хотел только одного: воды. На счастье, рядом стоял кулер. Наливаю в стаканчик, потягиваю, выгляжу, как мне кажется, совершенно нормально.

Подходит Анатолий Владимирович и бросает мимоходом: «В пьянстве замечен не был, но по утрам пил холодную воду...»

Сейчас-то я понимаю, что он просто процитировал популярную фразу, которых знал тысячи. Но тогда я так вздрогнул, что потом ещё довольно долго старался не «употреблять» перед парами Клишина. А уж если случилось, ни за что на них не приходиться!

А фразу я эту потом погуглил, когда спустя годы появился «Гугл». С ней всё оказалось очень интересно: это цитата из Фридриха Незнанского, который в свою очередь цитирует Чехова, у которого этой фразы... нет. Остаётся только лишний раз удивиться многопрофильной эрудиции нашего «папы».

■ Александр ШИХЕР

Одно из самых ярких воспоминаний об Анатолии Владимировиче у меня связано с учебником Прохорова. Сейчас я уже не помню ни его названия, ни как выглядела обложка, не смогу воспроизвести ни одной цитаты. Но вот на первом курсе... Стыдно признаться, первый в своей жизни экзамен – это были основы теории журналистики – я завалил. Не разобрался в сути вопроса, отвечал невпопад, и Анатолий Владимирович Клишин, чтобы не ставить «удовлетворительно», отправил меня на пересдачу. До времени Ч было дней двадцать и три других экзамена, с которыми проблем не возникло. Но пересдавать ОТЖ я почему-то очень боялся. Не хотел завалить предмет во второй раз. Поэтому день и ночь зубрил Прохорова. Зубрил до такой степени, что постепенно начал понимать, о чём идёт речь в его многосложных определениях...

И вот настал день пересдачи. Не скажу, что отвечал блестяще. Время от времени Анатолий Владимирович прерывал меня

и задавал уточняющие вопросы. И вот тут меня выручил Прохоров. Так уж получилось, что на любой вопрос в памяти всплывала длинная цитата из книги. В конце концов, наш замдекана улыбнулся и развёл руками: «Ты что же, весь учебник выучил?» И здесь я понял, что сдал.

■ Алексей БУГАЕЦ

Штрихи к портрету А. В. Клишина.

Часть 1. Каноническая

Весной не то 1993-го, не то 1994-го мужскую часть факультета, а это всё отделение журналистики, мобилизовали на слежавшийся вокруг шестого корпуса снег – разбрасывать. Естественно, в рядах юных и не очень дарований – ропот. Всё-таки поколение перестроечное, чтобы за здорово живёшь. Но вот в ответственно-критический момент выходит САМ. Никого никуда не гонит, ни к чему не призывает, а получает наравне со всеми лопату. Ко всеобщему недоумению и смятению. Легко, непринуждённо, безо всякой назидательности и наигранности.

Немая сцена, расширяющиеся глаза.

Протестные диалоги и восклицания мигом трансформируются во внутренние монологи. Привожу собственный: «Ах да! На командирских курсах про такое рассказывали, седоусый полковник. Личный пример, так сказать, чтобы, вычистив квадратный метр до безупречного, мотивировать подчинённых и с превосходством удалиться».

Но... за «демонстрационным» метром следует кубометр. За ним ещё. Ещё. И до победного.

Всех охватил азарт. Соревновались, кто больше и дальше. За эти разминочные 40 минут, полагаю, стали старше, воспитаннее и интеллигентнее. На сколько-то лет.

Двухтысячные. От шага к свободе слова – два назад. Студент отделения журналистики оказывается подследственным, обвиняется в мелком экстремизме. Дело к приговору. Но инициаторам мало.

На кафедре появляются говорливые искусствоведы в штатском и настаивают:

– Ради профилактики, в назидание прочим не откажите, уважаемый заведующий, сыщите повод. Только о нас ни-ни...

– А за что я его буду отчислять?! – возмущённо делился после рекомендательной беседы с недвусмысленными намёками на последствия Анатолий Владимирович. – Учится парнишка прилично, долгов у него нет. Только злее станет!

Революционер благополучно доучился. Более в призывах не замечен.

Часть 2. Десакральная

И снова девяностые. Прогрессивная общественность отделения журналистики взбудоражена. Остальные взволнованы. Кто-то из студентов, будучи приглашён в «каморку папы Клишина», случайно увидел страницу его паспорта (в документе советского образца фотографии по мере взросления человека вклеивались в дополнение к прежним). И вот, оказывается, Анатолий Владимирович, в 16 лет... носил длинные волосы! Он был «битлом»!!! Бунтарём, стало быть!!!

Никак не вязалось с привычным всем образом.

Двухтысячные. Всегда поражало, как на филфаке, в окружении ослепительных прелестниц, ему удаётся сохранять лицо. Однажды в клишинском кабинете стал свидетелем. Зашла из бывших студентов. Училась в другом вузе, найдя призвание в медицине, и вот. Весна, тепло, солнце. Барышня полуодета, ключевыми раздражителями беспощадно давит на инстинкты, как раз в моду входят пирсингованные торсы.

– Ты видел?! – в сердцах обращается Анатолий Владимирович, когда дама удаляется. – Нет, ты это видел?!

Пожимаю плечами, дескать, ну да...

– Это же невозможно!!!

«Гм, а рефлекс-то в норме, – подумалось тогда. – Но какова воля! Выдержка безупречна!»

Каждый день подвиг...

■ Елена КАРХАНИНА

Много о чём хочется сказать и вспомнить. Долго собиралась с мыслями. И когда подруга дала почитать воспоминания других,

я поняла, что тоже очень хочу поделиться своими. Сразу всплыло в памяти, как первую сессию сдавала. Тяжело далась теория литературы. Не понимала и сложно было запомнить все термины. Я тогда получила тройку за первый же экзамен. Сильно расстраивалась. А когда пересдала и Анатолий Владимирович мне подписывал зачётку, то сказал так: «Вот можешь же всё». Простая фраза отложилась на всю жизнь. Всё можно при желании, даже в самых сложных ситуациях.

Ещё хорошо помню, что день рождения у Анатолия Владимировича 22 октября. В переходный день от Весов к Скорпиону. Таким людям непросто держать баланс, но он его держал. Однажды на лекции АВ рассказывал, что во всём мера нужна. И пример привёл. Как в студенчестве поспорил с одноклассницей, что она халвы съест сколько хочет. Халву она любила, но когда съела килограмм, то не смогла больше вообще смотреть на неё.

И, конечно же, я помню, как узнала о его смерти. Никогда не забуду. Мне позвонила подруга. Я на практике была. Было шумно вокруг. Она говорит, а до меня как будто не доходит, не могу поверить... Потом шок... Я сказала журналистке, которая работала на том телеканале, она училась у него. И она тоже не могла поверить в это. Позже, в сентябре 2010-го, мы с Вероникой ездили на кладбище. Был солнечный тёплый день. Долго молча стояли у могилы, а потом она сказала: «Вокруг такая природа, не вяжется с кладбищем никак».

■ Альбина СОБОЛЕВА

Анатолий Владимирович всегда вспоминается мне принципиальным, слегка насмешливым и очень уютным человеком. Уютным были его кабинет, пачка сигарет чётко под рукой, усы, в которых он прятал улыбку, если ученики слегка тупили или юморили, кормушка за окном, и даже жена-помощник-соратник Ирина Марковна была для всех как мама. Так как начала учиться у них я ещё в 1994 году на спецкурсе журналистики – в 10–11-м классе гимназии, то в общей сложности они нас «воспитывали» семь лет. Мне нравился его подход к нам: вроде как друг, но и строгий папа, компанейский мужик и понимающий дедушка – всё это слилось воедино в одном человеке.

На наши дерзкие поступки и поведение он будто смотрел сквозь пальцы, никогда не отчислял просто так, всегда давал шанс, поэтому многие восстанавливались и учились по семь – восемь лет. Не все родители так понимали и поддерживали своих детей, как он... Тем более времена были, мягко сказать, сложные, но, наверное, оттого и особо счастливые.

Странно, что меня не отчислили еще на первом курсе из-за отсутствия мотивации и серьезного отношения к учёбе. В группе частенько возникали проблемы из-за моей журналистской неграмотности и плохой памяти на фамилии. Так, на экзамене по зарубежной журналистике, когда я не смогла ответить на дополнительный вопрос про уотергейтское дело, после меня всем сдающим стали задавать этот вопрос (кстати говоря, вся группа побежала в библиотеку за ответом, так как в лекциях его не оказалось). Ну а когда на курсе А. В. Клишина, делая доклад о фотокорреспонденте и авторе очерков о природе газеты «Кузбасс» Качине, я не смогла ответить на дополнительный вопрос о подобном авторе в «КП»... Это было подобно грому среди ясного неба...

– Соболева, вы что, не знаете Василия Пескова?

(Вся группа шепчет мне: «Песков, Песков!»)

– Нет

– На экзамене каждому задам этот вопрос!

Так я заработала себе ещё один доклад и ещё одну проблему для своей группы.

Но на третьем курсе он почему-то взял меня на курсовик, а потом и на диплом, за который я получила пять.

Мы становились взрослыми и менее беспечными, после выпуска в 2001-м стали помогать в подготовке юбилеев и чаще общаться без особой субординации. Тогда я ещё больше поняла, насколько уютно на кафедре и насколько он простой и человечный на тот момент уже декан...

Конечно, после известия о болезни хотелось хоть чем-то помочь, поддержать, возникла идея группы. Надеюсь, это сообщество в «Одноклассниках» поддержало всех на первых порах как площадка, где можно вспомнить, погоревать и порадоваться. Но там не все зарегистрированы...

Книга – отличная идея, но может, по её итогам можно сделать и сайт, куда внести всё, что смогли собрать и записать? Сайт. Такой же уютный, собирающий многих людей в одном месте, куда можно зайти из любой точки мира без регистрации в любой момент и погрузиться всем вместе.

■ Анна МЕЛИХОВА

Хотите общаться с людьми? Идите работать кондуктором

Поступить на отделение журналистики было логичным продолжением «писательской истории» почти для всех кемеровских лицеистов, которые так или иначе были причастны к созданию журнала «Радуга». Кстати, это было единственным школьным изданием, публикации в котором принимались на творческом экзамене в университете.

Мы расспрашивали всех уже поступивших наших лицеистов на тему, ну как там всё: «Что нужно говорить? Какие вопросы задают? Какие темы творческого экзамена бывают? Кого нужно бояться? И, разумеется, как правильно нужно отвечать?»...

Мы даже составили топ самых популярных вопросов и неправильных ответов. Лидер хит-парада – вопрос: «Почему выбрали эту профессию?». Ответ: «Нравится общаться с людьми». После этого абитуриентов посылали для трудоустройства в транспортную сферу. Иными словами: «Хотите общаться с людьми? Идите работать кондуктором».

Ну а бояться было рекомендовано только одного человека – Анатолия Владимировича Клишина. От одной фамилии уже бросало в дрожь... Какой он? Ну такой... мощный. С усами и в очках в роговой оправе. Суровый. В общем, если ему не понравится – прощайтесь с факультетом. Вот такие слухи ходили об АВ.

Не знаю, как это у него получалось, он управлял аудиторией одним взглядом, на его занятиях всегда была жёсткая дисциплина, а шутки, которые студенты разных лет пересказывали друг другу, каждый раз были смешными, даже если уже слышал их раз десять.

А ещё... Как это произошло? Человек, чьё упоминание имени вводило в оцепенение, как-то постепенно стал тем, к кому ты при-

ходишь за помощью по всем вопросам. Например, когда чуть не отчислили за публикацию в «Комсомолке» за статью о положении дел в губернаторской женской гимназии. Оказывается, именно он отстоял нас тогда...

Его боялись, кто-то не любил и считал личным врагом. Но абсолютно все признавали – это Человек-эпоха для двух десятков поколений кузбасских журналистов. И то, какую роль он выполнял, к сожалению, мы все оценили, только когда он ушёл.

■ Нина ОБЕЛЮНАС

Мои воспоминания об Анатолии Владимировиче можно разделить на две группы: студенческие годы и время работы на кафедре. К Клишину я всегда относилась уважительно, но старалась соблюдать дистанцию, и будучи студенткой, и уже работая с ним. Тут действовал принцип: минуй нас пуще всех печалей и деканский гнев, и деканская любовь. Правда, это никогда не мешало мне с ним спорить на парах и возражать уже как начальнику. Как однажды охарактеризовала наше общение моя сокурсница: «Вы как заспорите, так и в час не уложите».

Будучи отличницей, с Клишиным я встречалась только на парах. Лекции заведующего кафедрой на тот момент, честно признаюсь, казались мне скучноватыми, но при этом материал был систематизирован великолепно. Уже потом, когда мне по наследству перешло ведение новостной и аналитической журналистики, эти лекции мне очень помогли при разработке курса для следующих поколений будущих акул пера. Воспоминания об Анатолии Владимировиче в студенческие годы – это, скорее, мозаика небольших наблюдений.

Второй курс. Вместе с одноклассницей Асей написали ряд стихов, по большей части неприличных, с участием Анатолия Владимировича. Если бы он хоть один из них прочитал, то на кафедру он бы точно меня не позвал. В лучшем случае сказал бы, фирменно улыбаясь себе в усы: «Нина Владимировна, никогда бы не подумал, что у вас могут быть такие затейливые фантазии».

Тот же второй курс. Жутко обидная для моего аналитического ума четвёрка по аналитической журналистике. По иронии судьбы именно этот предмет мне достался, когда я начала преподавать сама.

Ещё воспоминание... В какой-то из дней последней парой были «Основы журналистского мастерства».

После неё Анатолий Владимирович остановил меня и сказал:

– Нина, почему у вас всегда такой мрачный вид?

Я смутилась:

– Да нет. У меня просто стиль жизни такой.

Анатолий Владимирович не отстал:

– Нина, улыбнитесь. Вам так идет улыбка.

И этим смутил меня окончательно.

Третий курс. У меня появился кот. Долго обдумывала, как назвать, перебрала кучу вариантов. Вдруг пришло в голову назвать котёнка Клишиным. Долго хохотала над фразой: «У меня тут Клишин ничего не жрёт. Только линяет и спит». Анатолий Владимирович, простите. Кота называли Мурзой.

Четвёртый курс. Пары по экологии у Бориса Павловича Невзорова, который обладал просто удивительным талантом усыплять меня к середине занятия. Обычно к концу первой 45-минутки моя голова ложилась на парту, тут заходил Анатолий Владимирович и, глядя на меня, говорил Невзорову: «О! Обелюнас снова легла спать. Пора делать перерыв». И уводил Невзорова к себе в кабинет для разговора...

В 2008 году я устроилась внешним совместителем на кафедру, а спустя год перешла в штат. У меня тогда сложилась тяжёлая финансовая ситуация, я долго не могла найти работу после увольнения с радио, поэтому пришла за помощью к Анатолию Владимировичу. Он не отказал, за что я ему была очень благодарна. Могу сказать, что работа на кафедре до августа 2010 года – это одно из лучших моих университетских воспоминаний. Я с удовольствием приходила на работу, общалась со студентами и коллегами – своими бывшими преподавателями. Меня не покидало ощущение, что я по-прежнему под крылом Анатолия Владимировича, его защитой, как и в студенческое время. Думаю, именно поэтому многие его называли «папой Клишиным». Таким вот надёжным папой он был и для кафедрян.

Конечно, мы все замечали, что Анатолий Владимирович серьёзно болен. Было тяжело наблюдать, как он угасает. Я старалась в общении с ним не акцентировать на его болезни внимание – я разго-

варивала с ним, как с абсолютно здоровым человеком, и не жалела. Мне казалось, это именно то, что ему было нужно в тот момент. Одно из ярких воспоминаний тех времён – это наша небольшая беседа во время выпускного вечера в июне 2010 года.

Анатолий Владимирович вышел на улицу. И я через несколько минут тоже. Вдруг увидела, что он курит.

– Анатолий Владимирович, так вам же нельзя! – тихо заметила я.

– Я знаю, Нина, – ответил мне он. – Но вряд ли это мне уже повредит. Ире только не говори, что я курю.

Я не сказала. Это встреча стала последней.

22 августа 2010 года Светлана Мохирева написала мне SMS-сообщение, что Анатолий Владимирович умер. Это короткое предложение прозвучало как гром среди ясного неба. Я минут пять просто сидела, уставившись в стену, пыталась переварить эту новость, а затем разревелась...

Как затем показали дальнейшие события и выборы заведующего кафедрой в ноябре того же года, той самой духовной скрепой коллектива и сдерживающим фактором для нелучшего характера некоторых моих коллег был именно Клишин. Говорят, что незаменимых нет, но это не так. По моему глубокому убеждению, Анатолия Владимировича никто не смог заменить: ни претендовавшая на это его верная единомышленница Нина Георгиевна Гордеева, ни ставший заведующим Артур Владимирович Чепкасов. Клишин собрал команду под себя, и без него она продержалась не так уж и много: шесть лет.

Я часто вспоминаю Анатолия Владимировича, особенно когда пишу про вуз или общаюсь с выпускниками отделения журналистики. Не буду растекаться мыслями по древу на тему, сколь много значил для меня Клишин. Просто скажу, что спустя десять лет на моей SIM-карте до сих пор записан номер его мобильного телефона. Это моя личная дань памяти Анатолию Владимировичу.

■ Елена РОВДА

Я не склонна идеализировать своего учителя. Но тем не менее создалось впечатление, что Анатолий Владимирович прожил идеальные годы. А почему? Ведь хорошие дни у тех, чьи желания

скромны, а мечты осуществимы. Он, на мой взгляд, был большим реалистом. И от этого настоящим. Больше всего поражало в нём умение красноречиво молчать и слушать. На лекциях он говорил негромко, а вот когда ты сам что-то ему рассказывал, он самым, как тогда казалось, «детским наивняком» впитывал твой рассказ, сопереживал и, представьте, учился. Да-да. Без доли иронии. Он преподавал нам основы журналистики, а в 1990-е эти самые «основы» не просто пошатнулись, обрушились. И мы, действующие «щелкопёры» и «борзописцы», были, вне всякого сомнения, ему искренне интересны, как первопроходцы в шторме невесть откуда свалившейся на социум демократии. Даже, скорее, вседозволенности. Казалось, он даже наслаждается нашим молодым «интеллектуальным трёпом» о том, как складывается наша репортёрская деятельность в новой, можно сказать, «безбашенной», «атакующей», в чём-то безпринципной действительности. И это чувствовалось. Он не учил, он направлял. Очень взвешенно, деликатно, почти по-отечески. Как сейчас понимаю, группа взрослых учащихся, второго высшего, и Клишин – презанятный симбиоз теории и практики. Сотрудничество и обмен, где каждый на стыке безвременья, краха идеологии был бесценен. Под его уроки хотелось подвести свои материалы, с его советами, убеждениями сверять даже самые жёсткие оперативные действия. Он всегда был хирургически точен в определениях, гедонистически чуток, восприимчив и осторожен в оценках. Благодаря его человеколюбию мною, уверена, и многими другими студентами усвоен главный урок профессии: «Не навреди». Даже если дедлайн горит. Проверь, взвесь, умей встать на место другого. Сохрани человека. Сохранишь и себя.

■ Евгения БОРИСОВА

Уже несколько дней подряд я пытаюсь вспомнить об Анатолии Владимировиче что-то конкретное. Какую-то ситуацию, какой-то разговор, что-то важное. Но ничего не вспоминается. Помню только ощущение какого-то трепета рядом с ним и одновременно уверенности в том, что всё идёт правильно, идёт как надо. Именно такое противоречивое чувство он внушал.

Я помню Анатолия Владимировича сидящим за преподавательским столом в 201-й аудитории: руки сложены перед собой, он немного нависает над столом, говорит медленно и убедительно. А если ходит, то чётко – от двери до окна и обратно, справа от двери потрогает розетку, на раме окна проверит на прочность шпингалет. И так десяток раз за пару. Или помню очень ясно, словно была там только вчера, крошечный кабинет Клишиных: два стола, книжный шкаф, горы газет, Анатолий Владимирович курит у окна. В этот кабинет мы с моей одноклассницей и подругой Катей Зайцевой впервые попали одиннадцатиклассницами, собираясь поступать на отделение журналистики из лицея по совмещённым экзаменам. Ютились на двух стульях, а Анатолий Владимирович рассказывал нам о структуре заметки, мы записывали. А в мае 1998 года сказал нам: «Считайте, что вы уже приняты». Мы выскочили из этого кабинетика, прыгали и обнимались от радости на лестнице между третьим и вторым этажом. В этом же кабинете был наш разговор на третьем курсе. Я сказала, что устроилась на работу и теперь работаю по ночам оператором содовой связи.

– Не по специальности работа, – укорил меня Анатолий Владимирович.

– Ничего, я справлюсь и по специальности, – сказала я.

– Платят хорошо? – поинтересовался он, улыбаясь.

Я кивнула.

– Ну иди работай, но не подведи! – по-отечески тепло сказал Анатолий Владимирович, и я вышла от него счастливая.

Работать разрешил!

После окончания университета я вела семинары за Клишиным: информационные и аналитические жанры журналистики. Как же я волновалась! Как тщательно готовилась! Как я боялась «не дотянуть» до уровня Анатолия Владимировича! Свои лекции по этим предметам я до сих пор чисто визуально помню досконально: какими цветами подчёркнуты заголовки, как оформлены списки, что записано на полях. Все же наши помнят пример построения заметки-интриги с заголовком что-то вроде «Маленькая девочка задушила змею»?

Интересно было наблюдать за тем, как студенты проходят эволюцию отношения к Анатолию Владимировичу на зачётах и экзаменах: от оцепенения и даже ужаса перед ним на первом курсе до желания отвечать именно ему, чтобы подискутировать, на третьем курсе. Уверена, этот путь проходили все студенты отделения журналистики.

Часто думаю про Анатолия Владимировича в последние годы. Как бы я хотела сейчас поговорить с ним о том, что происходит с системой СМИ, со структурой материалов, с заголовками, наконец. В общем, обсудить с ним происходящее. Жаль, что нет такой возможности.

■ Ольга КУЗНЕЦОВА

Я очень, просто очень долго не могла заставить себя сесть, чтобы написать эти строчки. Не потому, что нечего было вспомнить, а потому, что вспоминалось самое грустное – именно его, Анатолия Владимировича, уход. Потому что это было рано, оглушительно-печально и неожиданно для нас, его учеников.

В тот день мы сидели с моей подругой Леной, тоже нашей выпускницей, на одной из многочисленных кемеровских веранд, радуясь лету. Обсуждали планы, прочитанные книги и отпуск, когда внезапно ей позвонили. Лена тут же переменилась в лице и убитым голосом сказала: «Ты знаешь, Клишина больше нет». Так летний завтрак превратился в поминальный обед. Мы сидели и вспоминали, как он принимал нас на факультет. Лекции, слова о журналистской этике (мне на госэкзамене вопрос о ней попался – его формулировками и отвечала)... Его знаменитое «солнышки», которое, наверное, помнят все, кто у него учился. Он одним этим «солнышко» мог и поругать, и похвалить, в зависимости от интонации.

Вопрос, идти или нет на похороны, даже не возникал. Какие уж тут вопросы, когда хотелось Ирину Марковну поддержать, хотя бы так, своим присутствием. В день похорон шёл дождь. Такой, знаете, основательный. Не хочется, конечно, банальщину в духе «даже сама природа плакала» писать. Но ведь плакала же. И мы плакали. Стояли вдвоём на кладбище с одногруппницей Вероникой Дзвоник ещё

долго-долго. Плакали и думали каждая о своём, пока нас не забрала преподавательница и не довезла до вуза.

Я очень, просто очень долго не могла заставить себя написать хоть строчку об этом – больно, грустно. Дотянула до того, что успела сделать операцию на правой руке и временно потеряла способность печатать и писать что-либо. Моя подруга Настя, тоже учившаяся на журфаке, но на пару лет позже, предложила: «А ты надиктуй всё, что хотела сказать, а я расшифрую! Вот и получится твой текст».

И я подумала, что в этом её предложении – суть всего того, чему учил нас Анатолий Владимирович. Поддержка, умение в нужный момент подставить плечо. Умение не соперничать (ах, боже мой, как любят это журналисты!), а дружить. Ведь журналист журналисту – друг, а вовсе не тот, кого называют в поговорке. И раз мы научились, значит, всё точно было не зря. Спасибо Вам, Анатолий Владимирович!

■ Валерия ЕРМАК

Есть люди-локомотивы, способные цеплять обаянием, умом, харизмой других людей, объединять их в сообщества единомышленников. Хорошо, когда такими качествами обладает руководитель.

Анатолий Владимирович Клишин был именно таким человеком. Вспоминается случай, как я сдавала ему экзамен по журналистике. Как же мне было страшно, что экзаменатором был именно Анатолий Владимирович. Не рядовой преподаватель. А сам декан. Ответственность большая. Ночь перед событием прошла без сна. На самом экзамене мандраж усиливался. Идти отвечать преподавателю я не спешила. Студенты один за одним покидали кабинет. Счастливые, что этот этап их жизни остался позади. А мне страх не давал сойти с места. Я могла давно идти счастливая домой, но не было сил справиться с волнением. Боялась, что в ответственный момент подведёт голос, завалюсь на дополнительных вопросах, не смогу разумно мыслить.

Минута икс. Отвечаю по билету. Достаю из памяти ответы на дополнительные вопросы. Протягиваю зачетную книжку с мыслью, что наконец-то и для меня всё закончится. Уже неважно как. Главное, что закончится.

И вдруг в воздухе повисла пауза. Мне казалась, она продлится вечность.

Анатолий Владимирович открыл зачётную книжку, не комментируя, что-то написал и вернул обратно. Я, не нарушая молчания, покинула кабинет. Один миг. Что там? Открываю зачётку и вижу долгожданное отлично. Мысли разлетелись от счастья, как огоньки праздничного салюта. В тот самый момент я по-настоящему оценила, какой ОН, наш Анатолий Владимирович Клишин.

■ Анастасия АНТОНОВИЧ

В моей памяти он останется навсегда. У меня нет какой-то одной истории, связанной с Анатолием Владимировичем. Есть тёплое ощущение внутри и три ярких момента из студенчества. Вступительная речь для тех, кто поступил в 2007 году. Я тогда подумала: «Когда во главе факультета стоит такой мужчина, будет всё по-серьёзному!» Лекции по журналистике. Такие чёткие. Размеренные. И вот это его фирменное ответное обращение к студентам: «Солнышко моё»... 2010 год. Весна. Я на третьем курсе, и мы оформляем возле деканата доску почёта с фотографиями отличившихся студентов. Дело близится к вечеру, и рабочий день уже окончен, а Анатолий Владимирович берёт молоток, гвозди и так легко, похозяйски делает всю необходимую мужскую работу. Рядом с ним находиться очень спокойно. Как с папой. Это, пожалуй, одно из ярких моих воспоминаний.

Папа. Хозяин. Человек, которому не всё равно, который ответственно и серьёзно подходит к любому делу.

Когда я возвращаюсь в город моего студенчества, я стараюсь заехать в гости к любимой Ирине Марковне. Для меня это всегда особенные визиты. Попадая в самый уютный дом, который я когда-либо посещала, я первым делом мысленно или шёпотом здороваюсь с Анатолием Владимировичем. Я приветствую его каждый раз, как только переступаю порог их квартиры. И уходя, мысленно говорю: «До свидания!» Его незримое присутствие ощущается через фото-портреты, вышитые им картины (да-да, Анатолий Владимирович любил вышивать крестиком – как красиво у него это выходило!) и, конечно, тёплые воспоминания Ирины Марковны. Рядом с этой

прекрасной сильной женщиной я всегда ощущаю столько любви, заботы и тепла.

В гостеприимном доме семьи Клишиных я осознала нечто важное для себя: настоящая любовь не знает границ и не подвластна времени. Она помогает и в горе, и в радости. Она светит ярко и тепло. Она притягивает. Она подпитывает смысл жизни, даёт силы жить и дарит надежду даже тогда, когда кажется, что мир рухнул. Вся сила и мощь настоящей любви и привязанности проявляется со временем, с годами.

Люблю... Как много в этом слове...

■ Татьяна МИНАЕВА

Солнечным днём 17 июля 1995 года я... потерялась, возвращаясь со вступительного творческого экзамена. Как сейчас помню, нужно было написать репортаж из парка Жукова, где шли ремонтные работы, и он приобретал тот вид, который мы знаем сейчас: с аллеями, цветочными клумбами и гаубицами на постаменте. Расстояние от парка до родного КемГУ преодолевается за парутройку минут молодым бодрым шагом, но не для девочки, вчера приехавшей из деревни. Помню, я стояла... нет, не в отчаянии, конечно, потому что это взрослая эмоция, а так, скажем, в большой досаде на себя и обстоятельства, во дворе шестого корпуса и понимала, что всех поступающих со мной ребят уже разобрали, а я осталась. И тут на крыльцо вышла Ирина Марковна и глубоким своим звонким голосом спросила: «Журналисты есть ещё?» Так я была извлечена из толпы абитуриентов других факультетов и получила возможность уютно расположиться рядом с будущими однокашниками и записать свой, несомненно, репортажный шедевр. А на следующий день я стояла в очереди перед аудиторией, где шло собеседование, вторая часть творческого экзамена. Возможно, это была легендарная 201-я, но точно не скажу. И, конечно, я умудрилась зайти в тот момент, когда там собеседовался другой будущий журналист. И меня, разумеется, выдворили. А со второго, более удачного захода строгий (так тогда показалось) дяденька, поправив очки, первым делом спросил: «А почему вы хотите стать журналистом?» И тут я, конечно, не смутилась и прямо выложила

всё про себя: что потерялась, что со мной постоянно и охотно разговаривают всякие разные люди, что я частенько оказываюсь не там, не вовремя и не в попад, как вот сейчас, например, и это, конечно, важнейшие качества для будущего журналиста. Он захохотал первым, сверкали белые зубы и очки на солнце... Потом слегла вся комиссия. И в этом общем весёлом шуме кто-то из них ещё сказал, что у меня отличная письменная работа, очень смешная, само собой. А я смотрела на этого человека с таким заразительным хохотом, сверкающими очками и кудрями, и была уверена: он меня понял! Вот так я поступила на отделение журналистики и познакомилась с Анатолием Владимировичем Клишиным...

Когда я только узнала про идею этой книги, я хотела написать о другом эпизоде. Но вот, как часто со мной бывает, само написалось совсем иное. О самом первом, солнечном, до сверкания, летнем дне, когда я так остро почувствовала и оценила понимание. Очень взрослая эмоция...

Недавно я прочитала слова одного умного и много пережившего человека о том, что каждый встречающийся на пути – это ангел, который или испытывает, или любит. Мне кажется, Анатолий Владимирович нас всех и испытывал, и понимал, и любил. А ещё мне кажется, несмотря на всю строгость, особенно к нам, первым наборам журналистов, он всех нас жалел. А этого всегда очень не хватает. Особенно когда ты совсем уже взрослый, а местами и солидный. Но так хочется, боже мой, просто солнца, смеха и чтоб поняли и пожалели. Совсем по-детски... Светлая память, Анатолий Владимирович!

■ Диана ГУЦУЛ

Долгое время было сложно здороваться с Анатолием Владимировичем. Немела, когда его видела. Мало что знала о нём как о человеке и преподавателе, но он априори – авторитет и тот, на кого я могла только с придыханием молча смотреть. Где я и где он. Кто все мы, а кто – ОН.

Строгий, холодный, знающий ответ на любой вопрос, местами жёсткий, он оказался добрейшим, чувствующим, сопереживающим папой. Помню, как он неуверенно выводил мне «З» на вступитель-

ном экзамене, в то время как хотел поставить «4», но другой член комиссии настоял на своём. Мне тогда не хватило балла для поступления на бюджетное место. Понимаю сейчас, что оценку выше не заслуживала. Тогда это казалось несправедливостью, конечно. Я видела Анатолия Владимировича в коридорах университета и на парах. Беспокоить боялась, но делала всё возможное, чтобы учиться на отлично и перейти на бюджет. Курировала тогда этот процесс обожаемая Н. Г. Гордеева, но я, конечно, знаю, что без соучастия Анатолия Владимировича этого не произошло бы. В силу определённых черт характера (банальной стеснительности) я редко с ним пересекалась, но он незримой тенью всегда был рядом и защищал.

Однажды для своей книги он попросил принести выпуски городской газеты. Я оставила стопку в кабинете, а на выходе увидела его. «Я положила вам всё на столе». «Что сделала?» – спросил он, остановившись. «Поклала». – «Что? Ещё раз!» – «Я оставила вам всё на столе», – схитрила я, окончательно. Он засмеялся, поблагодарил и пошёл в кабинет.

Он и Ирина Марковна – отдельная глава. Всегда вместе, всегда рядом. На работу и с работы. Такие разные, такие неразделимые. Мы смотрели и не понимали, как такое возможно, почему они вместе, но после поняла: это любовь. Настоящая, которая сквозь годы и расстояния.

Он был моим научным руководителем при написании диплома. Не помню, что за лекция была, в дверь постучала Ирина Марковна и попросила меня выйти. Она протянула мне то ли книгу с его пометками, то ли вырезку из газеты – Анатолий Владимирович передал по моей теме подсказку.

После выступления на защите он показал тихонечко большой палец и произнёс, что гордится мной. Но эти слова не про меня, они про него. Я помню, как тогда тепло полилось по сердцу и я снова онемела. Но уже от его слов и отношения, от того, какой он участливый и переживающий за нас, его детей.

Я уехала из города через несколько дней, диплом на прощальном вечере забирала мама. Всегда буду сожалеть о своём решении быстро уехать, не обнявшись с Анатолием Владимировичем ещё раз. Такой важный – последний – раз. Но также я буду всегда ис-

пытывать к нему благодарность и любовь, а в минуты «рабочих» сомнений – слышать его слова и видеть добрую улыбку. Счастлива, что столько лет он был в моей жизни. Верю, что у него всё хорошо.

■ Вероника ДЗВОНИК

Весной 2020 года я прочла очень трогательный текст на сайте Сергея Черемнова про важного для меня педагога, наставника, человека. После него во время обеда захотелось взять цветов и поехать провести АВ. Такие огромные красные тюльпаны попались в руки впервые в жизни...

Скоро наступит зачётная неделя, нужно будет расписываться в зачётах. У Анатолия Владимировича это получалось совершенно волшебным. «Отлично» или «зачтено» с его подписью были предметом гордости студентов. Он принимал у меня вступительные, потом все экзамены по журналистике. Подтверждаю слова коллеги, что Клишин принимал прикольно. Он мог срезать в 2006-м на творческом конкурсе, но дал шанс. Всё, что происходит со мной в жизни начиная с 2006 года, так или иначе связано с профессией, которую я получила благодаря АВ. Дружья, работа, традиции, воспоминания о лучшем студенчестве. Года не хватило ему, чтобы выпустить нас из университета. В августе будет десять лет, как его не стало. Но даже с памятника он смотрит на тебя словно живой. Улыбается и тихо шепчет: «Ну здравствуй, солнышко...» Светлая память человеку, вложившему душу в ребят с ФФиЖ. Низкий поклон. В 2006-м году наш староста Макс часто играл на гитаре песни группы «Ария». Мы с девчонками подпевали. Особенно любили «Беспечного ангела». Только вместо слова «ангел» пели: «Клишин»...

Летом 2011 года мы выпускались из университета. Когда утром ты нарядный и счастливый, вечером – ещё больше, а на следующий день просыпаешься с мыслью: «Всё». Важный этап позади. В тебя заложили базу. Дальше – сам. Как будто после выпускного в школе. Удивительное состояние. Но ещё чётче я помню лето 2006 года, примерно эти же дни, когда мы с ребятами ходили на подкурсы ФФиЖ. Как-то раз я вышла из второго корпуса, остановилась, закрыла глаза и всем существом попросила у Вселен-

ной учиться именно в этом месте. Это было осознанно, с любовью и сильнейшим притяжением. Ещё я думала, что, когда поступлю и уеду из Киселёвска, каждый день буду есть «подорожники» у второго корпуса: в тот год мы всё не могли ими наесться. «Большой», «Праздничный» – гурманы вспомнят. Но эта страсть ушла быстро. А с КемГУ всё сложилось.

Я счастлива от того, что судьба подарила мне возможность стать частью факультета филологии и журналистики, познакомила с друзьями, новым городом. Что мой путь во взрослую жизнь начался с Анатолия Владимировича Клишина. Символично, что на нашем выпускном в вузе тоже звучали его слова. Правда, с видеозаписи. Меньше года АВ не дожил до этого момента. Его последние напутственные слова выпускникам – навсегда в сердце.

25 июня 2010 года:

«Если отбросить всю шелуху, вы со временем поймёте, что вообще в жизни человека есть три, на мой взгляд, принципиальные, главные вещи: это семья, работа и здоровье.

Я очень хочу пожелать вам, чтобы у всех вас были крепкие любящие семьи, где бы вы всегда находили поддержку, опору, взаимопонимание.

Я хочу, чтобы на работе у вас дела складывались только благополучно. Тем более что работа у вас ответственная: и журналисты, и филологи работают не с каким-то абстрактным материалом – они работают с человеческой душой. Поэтому ваша работа очень важная, выполняйте её честно и добросовестно.

И я очень хочу, чтобы у вас было крепкое, замечательное здоровье, которого хватило бы на воплощение всех ваших планов, устремлений и надежд...»

Анатолий Владимирович Клишин похоронен в Кемерове на городском кладбище № 3, аллея 25. Найти его не составит труда.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Анатолий Владимирович Клишин – журналист и учитель	6
А. В. Клишин в воспоминаниях выпускников отделения журналистики КемГУ	10

Литературно-художественное издание

ЗАЧЁТ

Сборник воспоминаний об А. В. Клишине

Составитель *Дзвоник Вероника Петровна*

Корректор *Е. В. Фефелова*

Компьютерная вёрстка *М. Л. Морозовой*

Подписано в печать 08.08.2020. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Тираж 100 экз.

Отпечатано в лаборатории множительной техники
Кемеровского государственного университета
650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 73

